

«Группа двадцати» после саммита в Лос-Кабосе: иллюзии глобального экономического управления¹

Г. Гудлифф, Ст. Сберро

Гудлифф Габриэль – профессор международных отношений Мексиканского автономного технологического института (ИТАМ); E-mail: gabriel.goodliffe@itam.mx

Сберро Стефан – доктор наук, профессор факультета международных отношений Мексиканского автономного технологического института (ИТАМ), содиректор Института изучения европейской интеграции Мексиканского автономного технологического института (ИТАМ), национальный исследователь в Государственном Совете Мексики по развитию науки и технологий (CONACYT); E-mail: ssberro@itam.mx

Предлагаем вашему вниманию перевод статьи Г. Гудлиффа и Ст. Сберро «Группа двадцати» после саммита в Лос-Кабосе: иллюзии глобального экономического управления»², впервые опубликованной в журнале The International Spectator: Italian Journal for International Affairs в декабре 2012 г. Перевод выполнен и публикуется на русском языке с согласия авторов.

Неспособность выработать адекватные меры в отношении европейского кризиса суверенного долга и предвидеть неблагоприятные перспективы развития мировой экономики, не говоря уже о конкретных мерах по улучшению надзора и функционирования мировой экономики, по результатам саммита в Лос-Кабосе, похоже, подтверждает снижение эффективности и актуальности «Группы двадцати» как органа глобального управления по сравнению с декабрем 2008 г.³ На фоне ограниченных достижений в области глобального управления в период председательства Мексики острые проблемы коллективных действий, усугубившиеся текущим экономическим кризисом, осложнили деятельность «двадцатки» в преддверии и во время саммита в Лос-Кабосе. Эти проблемы коллективного действия и вызываемая ими неудача глобального управления связаны с очевидным отсутствием лидерства как на глобальном, так и на европейском уровне, что, в свою очередь, свидетельствует о чрезмерном рассеивании государственной экономической и политической власти в рамках международной системы.

Ключевые слова: «Группа двадцати», саммит в Лос-Кабосе, глобальное управление, европейский кризис суверенного долга

Key words: G20, Los Cabos summit, global governance, European sovereign debt crisis

Первые саммиты лидеров «Группы двадцати», состоявшиеся в 2008 г. и 2009 г. в разгар финансового кризиса, и последовавшие по результатам этих саммитов меры, направленные на снижение напряженности на рынках, рассматривались как предвестники

¹ Перевод статьи подготовлен м.н.с. Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) А.В. Шелеповым под редакцией д.полит.н., директора ИМОМС НИУ ВШЭ М.В. Ларионовой.

² Gudliff G., Sberro St. The G20 after Los Cabos: Illusions of Global Economic Governance // The International Spectator: Italian Journal for International Affairs. 2012. Vol. 47. No. 4.

³ Вашингтонский саммит состоялся в ноябре 2008 г. (Прим. перев.)

начала нового этапа в развитии глобального экономического управления⁴. Появилась надежда, особенно среди либеральных интернационалистов, что созданная структура станет воплощением новой системы глобального экономического управления и заменит устаревавшую, унаследованную от Бреттон-Вудса. Предполагалось, что «двадцатка», расширяя масштабы глобального управления за счет включения крупнейших развивающихся экономик и представителей всех регионов мира, станет более легитимной и, следовательно, эффективной в выполнении обязательств глобального управления, чем Бреттон-Вудские институты или «Группа семи/восемь» [23, р. 8–21]. По словам одного наблюдателя, «Группа двадцати», таким образом, будет представлять собой «глобальный руководящий орган» и, по словам другого, станет «интеллектуальным центром растущей сети глобального управления» [23, р. 8–21; 35].

Однако со времен саммита в Питтсбурге в сентябре 2009 г., на котором «двадцатка» была преждевременно провозглашена «ведущим форумом международного экономического управления», вспышка европейского суверенного долгового кризиса и снижение темпов роста мировой экономики умили оптимистичные оценки и взволнованные прогнозы, которыми было встречено ее появление [31]. Действительно, со времени проведения первых встреч в 2008–2009 г. саммиты «двадцатки» в большой степени выродились в ритуальные бесплодные дебаты, бессодержательную пропаганду и формулирование пустых обещаний, в результате чего эффективность института и даже его актуальность все чаще ставятся под вопрос [30]. На последнем саммите, прошедшем в Лос-Кабосе (Мексика) 18–19 июня 2012 г., была увековечена эта тенденция к бездействию в патовой ситуации. Было принято крайне мало конкретных решений, и на фоне обострения европейского кризиса и негативных перспектив глобальной экономики это подчеркнуло растущую неэффективность института, мандат которого заключается именно в обеспечении глобального экономического управления.

Целью данной статьи является освещение и объяснение неудач саммита в Лос-Кабосе в области выработки адекватных решений экономических проблем и возвращения «двадцатки» на путь эффективного глобального управления. Статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются деятельность и достижения — или их отсутствие — саммита в Лос-Кабосе и его место в исторической эволюции «Группы двадцати» с момента ее первого саммита. Достижения саммита сравниваются с результатами предыдущих саммитов, чтобы проиллюстрировать, почему его можно считать относительно «неудачным» и подтверждающим тенденции снижения актуальности «двадцатки» с момента ее появления. Во второй части предпринята попытка понять причины неисполнения «двадцаткой» своих обещаний в сфере глобального управления. При этом рассматриваются как внутренние причины, так и факторы, оказывающие влияние на глобальном уровне. В заключительной части статьи делается вывод о том, что для преобразования «Группы двадцати» в эффективную многостороннюю организацию требуется прочное лидерство определенного государства.

⁴ В частности, Вашингтонский саммит в декабре 2008 г. (Вашингтонский саммит состоялся в ноябре 2008 г. — *Прим. перев.*), на котором была согласована необходимость принятия срочных антициклических мер по борьбе с рецессией после финансового кризиса осени 2008 г., и последующий саммит в Лондоне в апреле 2009 г., на котором члены «двадцатки» выделили МВФ 1,1 млрд долл. США для осуществления рефляционных расходов, стимулирующих мировую экономику, рассматривались в качестве примеров решительных многосторонних действий, которые затем породили надежды о перспективах улучшения глобального экономического управления [23].

Саммит «двадцатки» в Лос-Кабосе: много шума из (почти) ничего

Международным встречам на высшем уровне всегда трудно оправдывать ожидания. Снова и снова эти глобальные закрытые собрания подвергаются критике за отсутствие конкретики и незначительные результаты, особенно в сравнении с великими намерениями, которые анонсируются. Начиная с Генеральной Ассамблеи ООН и заканчивая Саммитами Америк все более частые встречи национальных лидеров вызывают серьезный скептицизм (не говоря уже о сохраняющихся сомнениях относительно их демократической легитимности и репрезентативности) [1, 31]. Тем не менее они все еще слишком важны, чтобы быть проигнорированными средствами массовой информации и лицами, принимающими решения.

Цель «двадцатки» состояла именно в том, чтобы прервать эту тенденцию и принять конкретные решения для борьбы с финансовым кризисом, который зародился в США в конце 2008 г. Три с половиной года спустя, после седьмого саммита «Группы двадцати» в Лос-Кабосе, трудно избавиться от ощущения, что «двадцатка» не справилась и воспроизвела недостатки других широко известных в мире форумов, таких как «Рио+20» или Конференции сторон (СОР) Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). Действительно, в Лос-Кабосе «Группа двадцати» не смогла избавиться от неэффективности, преследующей ее в течение последних двух лет после многообещающего начала в 2008–2009 гг. Усилия мексиканского председательства позволили достичь ограниченного прогресса в некоторых областях и помогли саммиту не получить характеристику полностью провального. Однако в целом, как и в случае с предыдущим саммитом в Каннах в ноябре 2011 г., преобладает ощущение, что почти все поставленные вопросы остались нерешенными.

Риск полного провала, который бы усугубил мировой экономический спад, оставался высоким в течение шести⁵ месяцев между саммитами в Каннах и Лос-Кабосе. Три главных актора — Европа, Китай и США — знали о важности саммита, но, казалось, выглядели растерянными, собравшись на мексиканском курорте. Европа подвергалась давлению беспрецедентного кризиса, который угрожал подорвать не только стабильность евро, но и жизнеспособность европейского проекта в целом. Новый президент Франции Ф. Олланд, избранный менее чем за месяц до саммита, выразил несогласие с политикой жесткой экономии, которая продвигается правительством Германии. Великобритания и Италия в силу ряда причин не могли помочь выработать более стабильную и согласованную европейскую позицию на саммите. США находились не в лучших экономических условиях и в политическом плане были поглощены своей президентской кампанией и парализованы противостоянием в Конгрессе, а Япония не проявляла активности в течение многих лет. Наконец, основной двигатель мировой экономики, Китай, столкнулся с замедлением роста из-за внутренних проблем и снижения спроса на импорт со стороны Европы и США, как и ряд других развивающихся стран, принимавших участие в саммите [33]. В дополнение к этой удручающей экономической ситуации принимавший саммит президент Мексики Ф. Кальдерон находился в преддверии президентских выборов, на которых его партия впоследствии потерпела тяжелое поражение, что еще более усложнило для Мексики задачу проведения саммита.

⁵ В течение пяти месяцев (*Прим. перев.*).

Несмотря на неудачное для саммита время, под председательством Мексики были организованы десятки встреч как по экономическим, так и неэкономическим вопросам, причем некоторые форматы появились в истории «двадцатки» впервые [9]. Провозглашающая себя неформальной структурой «Группа двадцати» на самом деле является довольно сложным образованием, обладающим несколькими различными официальными и неофициальными каналами переговоров [11]. Один из уровней – встречи министров финансов стран-членов, на которых обсуждались экономические вопросы, а затем повестка была расширена и включила в себя, помимо решения чисто финансовых проблем, дискуссии относительно ситуации в сырьевом секторе и борьбы со стихийными бедствиями. В свою очередь шерпы, являющиеся представителями глав государств, обсуждали социальные аспекты глобализации и проблемы создания рабочих мест, вопросы продовольственной безопасности, международного развития (которые были разделены на три области: средне- и долгосрочное планирование деятельности, развитие инфраструктуры и «зеленый рост»), коррупции, туризма и многосторонней торговли. В целом в подготовке к саммиту участвовали не менее семнадцати рабочих групп, в его преддверии было организовано 25 официальных мероприятий и встреч [9]. Последний, но не менее важный факт: деятельность «Группы двадцати» была дополнена рядом других дискуссионных форумов, аккумулирующих и представляющих мнения представителей различных отраслевых групп и гражданского общества, в первую очередь «Деловой двадцатки» (B20), в рамках которой главы двадцати крупнейших транснациональных корпораций мира получили возможность представить свои взгляды на то, как улучшить ситуацию в мировой экономике [29, р. 22–26].

Хотя эта деятельность проходила без каких-либо трудностей и удалось достичь консенсуса во многих областях, саммит не показал осязаемых результатов. Мексиканское правительство сформулировало шесть приоритетов своего председательства: 1) содействие экономической стабилизации и структурным реформам; 2) укрепление финансовой системы и расширение доступа к финансовым услугам; 3) совершенствование международной финансовой архитектуры; 4) укрепление продовольственной безопасности; 5) содействие устойчивому развитию; 6) продвижение «зеленого роста» и борьба с изменением климата.

Второй и шестой приоритеты были особенно важны для Мексики, которая надеялась достичь прогресса в двух сферах, значимых для экономического управления в долгосрочной перспективе: финансовой включенности и устойчивом развитии [22, р. 48–51]. Последняя сфера особенно близка администрации Кальдерона, так как, с учетом относительного успеха Конференции сторон РКИК ООН, прошедшей в 2010 г. в Канкуне [5]⁶, прогресс по этому направлению в Лос-Кабосе позволил бы Мексике преодолеть противоречия между Севером и Югом по вопросу устойчивого развития, тем самым повысив дипломатический престиж страны. Увы, ничего существенного по этому пункту повестки дня достичь не удалось, а в итоговую декларацию были включены только бессодержательные упоминания проблемы изменения климата. Саммит не смог дать новый импульс развитию диалога по вопросам изменения климата и устойчивого развития, а, напротив, подтвердил, что этот диалог зашел в тупик⁷.

⁶ Примечательно, что именно на саммите в Канкуне была впервые высказана идея создания «Зеленого фонда» для финансирования устойчивого развития на основе «зеленого роста».

⁷ Аналогично саммит Земли «Рио+20», состоявшийся несколько дней спустя, иллюстрирует собой еще одну неудачу в продвижении идей устойчивого развития, его «жидкое» коммюнике в равной степени лишено каких-либо конкретных обязательств в целях решения этой проблемы со стороны как развитых, так и развивающихся стран [8].

Результаты в отношении второго приоритета мексиканского председательства, расширения доступа к финансовым услугам, оказались немного лучше. По этому приоритету было принято бессодержательное обязательство по выработке «инновационных решений для обеспечения доступа к финансовым услугам... и призыв к использованию инноваций для устранения препятствий к расширению доступа к финансовым услугам посредством создания ценных, доступных, надежных и комплексных финансовых услуг» [13].

В отношении третьего приоритета мексиканского председательства, а именно укрепления мировой финансовой архитектуры, были достигнуты более конкретные результаты, заключавшиеся в одобрении «рекомендаций и пересмотренного устава СФС⁸, подводящего прочную организационную основу под деятельность СФС и предусматривающего наличие статуса юридического лица, укрепление управления, повышение финансовой самостоятельности и увеличение возможностей по координации разработки и реализации политики регулирования финансового сектора при сохранении прочных связей с БМР⁹ [16].

На самом деле, худшие опасения мексиканской стороны, существовавшие в момент начала председательства в «Группе двадцати», оправдались, так как саммит был фактически «захвачен» европейским кризисом, и встречи лидеров были практически полностью посвящены его обсуждению. В результате долгосрочные проблемы, упомянутые выше, не получили детального обсуждения. Вместо этого результатом саммита стали решения по трем широким направлениям, перечисленным в порядке убывания эффективности. Первое направление связано с европейским кризисом, второе – с совершенствованием глобальной финансовой архитектуры, а третье объединяет нерешенные вопросы, по которым на саммите не было принято новых конкретных мер.

Относительно первого направления лидеры «Группы двадцати», по общему признанию, достигли некоторого прогресса. Увеличение ресурсов МВФ до более чем 450 млрд долл. было единственным конкретным решением, принятым на саммите в Лос-Кабосе. Учитывая, что предыдущее увеличение ресурсов уже было согласовано по результатам реформы квот в 2010 г., и еще один его этап ожидался в 2014 г., это решение представляло собой меру экстренного реагирования на эскалацию долгового кризиса в Европе и угрозу, которую она представляла для глобальной финансовой системы¹⁰. В похожем духе «двадцатка» также представила План действий по обеспечению роста и занятости, направленный на активизацию восстановления экономики и улучшение доступа к кредитованию на финансовых рынках. Тем не менее не было принято конкретных обязательств или точных сроков для достижения этих целей [13]. Отсутствие конкретных обязательств стало симптомом глубоких разногласий внутри «Группы двадцати», в частности, в отношении кризиса в Европе. Германия, при поддержке Финляндии и Нидерландов, оставалась сосредоточенной на бюджетной дисциплине и строгой экономии, в то время как другие страны ЕС, являющиеся членами «Группы двадцати», выступали в условиях роста безработицы и увеличения дефицита бюджетов пострадавших стран за политику, гарантирующую стабильность евро и стимулирование роста.

В свете отмеченных разногласий основное решение, касающееся европейского долгового кризиса, было в большей степени декларативным и заключалось в обязательстве участников еврозоны «принять все необходимые меры, чтобы защитить ее

⁸ Совет по финансовой стабильности.

⁹ Банк международных расчетов.

¹⁰ Даже это решение было не более чем подтверждением выделения средств, уже согласованного для спасения еврозоны на встречах МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне в апреле 2012 г. [18].

целостность и стабильность, улучшить функционирование финансовых рынков и разорвать замкнутый круг взаимозависимости между суверенными структурами и банками» без указания на то, в чем должны заключаться эти меры [13]. Кроме того, европейские члены «Группы двадцати» подтвердили свою решимость в укреплении интеграции в рамках ЕС за счет завершения формирования единого рынка, снижения финансовых дисбалансов, осуществления структурных реформ в целях повышения конкурентоспособности в странах с дефицитом политики по стимулированию внутреннего спроса в странах с профицитом. В свою очередь, другие члены «Группы двадцати» подтвердили обязательство поддерживать еврозону и, в частности, уберечь Грецию от дефолта, обеспечивая при этом исполнение страной своих обязательств. Наконец, длинный абзац в декларации был посвящен одобрению многочисленных мер, уже предпринятых европейцами для борьбы с кризисом, включая план Испании по рекапитализации банков, создание Европейского механизма стабильности и планы по совершенствованию европейского банковского надзора. Широко освещая европейский кризис, декларация содержит лишь краткое упоминание об экономическом кризисе в остальной части мира, уделяя по одному предложению экономической ситуации в США и нетвердому обязательству Китая позволить юаню свободно обращаться на валютных рынках [13].

Второй масштабный итог саммита Центр инноваций в международном управлении¹¹ охарактеризовал как соглашение об осуществлении «последовательных шагов на пути к глобализации регулирования капитала» [16]. Основная цель в этой сфере состояла в повышении прозрачности и согласованности международной финансовой системы путем разработки глобальной политики регулирования системно значимых банков и кредитно-рейтинговых агентств. Кроме того, на март 2013 г. был запланирован запуск системы идентификации юридических лиц для сторон по финансовым операциям.

Наконец, третьим результатом саммита стало принятие обязательств общего характера по вопросам финансовой включенности¹², продовольственной безопасности, «зеленого роста» и борьбы с коррупцией. Повторим, что чрезмерное внимание, которое потребовал кризис еврозоны, исключило более подробное обсуждение и выработку конкретных предложений в отношении этих долгосрочных проблем.

Еще более тревожно то, что реализация мер, согласованных в Лос-Кабосе, несмотря на усугубление кризиса в еврозоне, была либо делегирована на уровень отдельных государств-членов, либо отложена до будущих саммитов. Учитывая, что то же самое происходило во время трех предыдущих саммитов «Группы двадцати», вполне можно согласиться с тем, что после яркого старта в 2008–2009 гг. «двадцатка» в настоящее время переживает период упадка [30].

В начале своего существования «Группа двадцати» в некоторых кругах рассматривалась в качестве потенциальной замены Бреттон-Вудских институтов и учреждений ООН, которые, как считалось, не отражали динамику сил в условиях все более многополярного мира и были ослаблены глубокими разногласиями в руководящих органах. Решения, принятые на саммите в Лондоне в апреле 2009 г., создали благоприятный климат, который еще более улучшился после первых сигналов о восстановлении экономики, в частности, в США. В течение этого периода «Группа двадцати» казалась эффективным многосторонним форумом антикризисного управления, который мог

¹¹ Центр инноваций в международном управлении – Centre for International Governance Innovation (CIGI) – канадский некоммерческий экспертный центр в области международного управления (*Прим. перев.*). URL: <http://www.cigionline.org/> (дата обращения: 05.08.2013).

¹² Financial inclusiveness – концепция расширения доступа к финансовым услугам (*Прим. перев.*).

предложить конструктивную повестку дня для улучшения функционирования мировой финансовой системы. Этот первоначальный успех объясняет, почему на последующих саммитах в Торонто (июнь 2010 г.) и Сеуле (ноябрь 2010 г.) акцент в деятельности института был перенесен с задач антикризисного управления на более широкие и долгосрочные цели регулирования и развития. Однако очевидно, что вспышка кризиса в еврозоне вновь отодвинула эту долгосрочную программу на второй план по сравнению с неотложными запросами на антикризисное регулирование.

Саммит в Каннах в ноябре 2011 г. завершил возвращение «двадцатки» к роли антикризисного института, однако на этот раз не давшего значительных результатов. После саммита в Каннах, а теперь и в Лос-Кабосе, есть все основания полагать, что выбор модных морских курортов для проведения двух последних саммитов «Группы двадцати» свидетельствует о ее превращении из нового механизма глобального экономического управления в еще один помпезный, но в конечном счете неэффективный форум мировых лидеров. Кроме того, любой может задать вопрос, не суждено ли «Группе двадцати» стать еще одним многосторонним институтом, который будет оправдывать свою роль минималистской идеей о том, что мир был бы хуже без него, в то время как важные решения все чаще согласуются в рамках специализированных многосторонних или двусторонних мероприятий.

Иными словами, после саммита в Лос-Кабосе «Группа двадцати» все еще ищет самостоятельную роль, которая выходит за рамки абсолютно случайных и ситуативных требований антикризисного управления, и может создать дополнительную ценность для «двадцатки» как форума глобального управления в сравнении с общепризнанными многосторонними институтами, такими как «Группа семи/восьми», МВФ, Всемирный банк и ВТО. Парадокс заключается в том, что способность «двадцатки» выйти за рамки этой эпизодической и реактивной функции борьбы с кризисом во многом будет зависеть от успешного решения проблемы европейского долгового кризиса (дополнительно осложненной нерешительностью европейцев в отношении предложений «Группы двадцати» по выходу из кризиса). Но, учитывая, что в Лос-Кабосе и на предшествующем и последующих саммитах переговоры зашли в тупик, вероятность того, что это произойдет, слишком мала.

«Группа двадцати»: анатомия провала коллективных действий

Неспособность «двадцатки» достичь договоренности по каким-либо существенным мерам борьбы с кризисом в еврозоне, не говоря уже о прогрессе по любому из долгосрочных вопросов глобального экономического управления, свидетельствует о серьезных проблемах коллективных действий, осложняющих деятельность института.

Это можно увидеть на трех уровнях анализа. На первом, самом широком уровне, причина проблемы кроется в противоречиях между «Западом и остальным миром»¹³. Эти противоречия можно кратко осмыслить с точки зрения растущей конкуренции между крупнейшими растущими экономиками — членами «двадцатки», в первую очередь странами БРИКС¹⁴ и развитыми индустриальными государствами. Также их

¹³ Страны, представляющие «остальной мир», весьма не однородны с точки зрения экономических интересов, политики или институтов. Их также разделяют существенные региональные противоречия — Бразилию и Мексику, Индию и Китай. Тем не менее для формулировки этого аргумента группа развивающихся экономик рассматривается в совокупности и сводится к ведущим из них.

¹⁴ Объединение Бразилии, России, Индии и Китая, которые впервые собрались в июне 2009 г. якобы в ответ на финансовый кризис 2008–2009 гг. На самом деле оно было сформировано как аль-

можно объяснить на основе различий в политических режимах двух указанных групп стран, в особенности между зачастую авторитарными режимами государственного капитализма, с одной стороны, и либеральными рыночными демократиями — с другой¹⁵. Основные разногласия между этими двумя категориями стран, которые вышли на первый план в преддверии и во время саммита в Лос-Кабосе, включают противоречия в отношении квот МВФ и, следовательно, влияния на политику Фонда; тупик в обсуждении мер по смягчению последствий изменения климата; и споры по поводу денежно-кредитной политики — особенно противоположные позиции США и Китая по вопросу курса юаня по отношению к доллару [12].

На втором, промежуточном уровне, проблема коллективного действия и последующее ослабление «Группы двадцати» объясняются ключевыми различиями внутри «Запада», т.е. среди стран с развитой масштабной экономикой и либеральной демократией. В частности, эти различия наиболее заметны между англосаксонскими демократиями «свободного рынка», где вмешательство в экономику и социальная защита сведены к минимуму, и континентальными европейскими социальными демократиями, обеспечивающими большую степень экономического регулирования и предоставляющими своим гражданам более широкие гарантии благосостояния¹⁶. К сферам наибольших противоречий между англосаксонскими и европейскими странами относятся характер и степень финансового регулирования, так как американцы и британцы опасаются подчинять свои национальные финансовые сектора правилам, которые могут снизить их сравнительные преимущества¹⁷. В более широком смысле англосаксонские страны и (некоторые) страны континентальной Европы, особенно Германия, расходятся во мнениях относительно подхода к решению проблемы европейского кризиса суверенных долгов и снижения угрозы, которую он представляет для мировой экономики¹⁸. В то время как англосаксонские и южноевропейские страны выступают за активную рефляционную (т.е. кейнсианскую) фискальную и денежно-кредитную политику, призывая к «поддержке» или разделению бремени суверенного долга испытывающих трудности периферийных стран еврозоны, Германия и ее сторонники отвергают такие решения

тернативная система глобального управления во главе с ведущими динамично развивающимися экономиками. В апреле 2010 г. существовавшая группировка БРИК расширилась за счет присоединения Южной Африки.

¹⁵ Под государственным капитализмом понимается «система, в которой государство функционирует как основной субъект экономической деятельности и использует рынки в первую очередь для извлечения политической выгоды..., государственные чиновники... принимают экономические решения — относительно стратегических инвестиций, государственной собственности, регулирования, — резонирующие на мировых рынках» [4, p. 40–55].

¹⁶ Однако важно отметить, что в условиях растущей международной конкуренции и господства неоклассических экономических идей, разрыв между этими группами государств с 1980 г. значительно сузился с точки зрения обоих критериев [34].

¹⁷ Оппозиция США и Великобритании была особенно сильна в отношении налога Тобина, налога на краткосрочные потоки капитала, продвигавшегося европейцами якобы для помощи в финансировании экономического развития в бедных странах, а на самом деле — для уменьшения экономически дестабилизирующего воздействия оттока капитала в эпоху усиления финансовой глобализации и интеграции [2].

¹⁸ Эти разногласия достигли пика на саммите в Лос-Кабосе, когда председатель Еврокомиссии Ж.М. Баррозу вступил в перепалку с журналистом, который спросил его, почему североамериканцы должны рисковать своими активами, чтобы помочь экономикам еврозоны. Баррозу гневно ответил: «Откровенно говоря, мы здесь не для того, чтобы получать уроки демократии или управления экономикой. Кстати, этот кризис возник (sic.) не в Европе. Вы упоминали о Северной Америке, так вот, я скажу, что этот кризис возник в Северной Америке, и большая часть нашего финансового сектора был заражена, как бы это сказать, порочными практиками, существующими в некоторых секторах финансового рынка» [14].

как ошибочные, полагая, что они способствуют продолжению безответственных действий, которые и привели к кризису. Для немцев решение состоит в обязательном восстановлении экономической «эффективности», т.е. жесткой экономии, для того чтобы периферийные страны еврозоны привели свои государственные финансы в равновесие. Таким образом, они продолжают категорически отказываться от любой формы разделения долгового бремени для борьбы с кризисом¹⁹.

Разногласия по поводу экономической идеологии и политики также существуют на третьем уровне анализа проблем коллективных действий, которые осложняют деятельность «Группы двадцати»: противоречия в самой еврозоне, главным образом между ядром, состоящим из стран с профицитом, таких как Германия, Нидерланды и Финляндия, и периферийными государствами с дефицитом: Португалией, Италией, Ирландией, Грецией и Испанией (так называемыми PIIGS), чьи растущие суверенные долги подвергают их риску дефолта, который посредством эффекта финансовой взаимозависимости грозит привести к краху евро. Германия выступает за благоразумную и дальновидную бюджетную и денежно-кредитную политику, отдавая приоритет сбалансированному бюджету над экономическим ростом, а ценовой стабильности — над занятостью²⁰, PIIGS — к которым после избрания Ф. Олланда присоединилась Франция, — выступают за преодоление кризиса путем проведения стимулирующей рост рефляционной политики и стремятся разделить бремя долга государств-членов. Предложенные меры можно осуществить как путем выпуска еврооблигаций, так и посредством прямой покупки проблемных суверенных долгов Европейским центральным банком (ЕЦБ). Это означает, что государства-кредиторы возьмут на себя часть обязательств государств-должников для поддержки евро и его защиты от спекулятивных атак [28].

В свою очередь, внутриевропейские разногласия по поводу экономической политики отражают более широкие различия во мнениях в отношении характера и целей европейского проекта. С одной стороны, страны, выступающие за активизацию европейского федерализма, такие как Германия, желают углубления механизмов как по-

¹⁹ Странники позиции Германии утверждают, что восстановление доверия бизнеса и привлечение частных инвестиций в страны с дефицитом обязательно связано с жесткой экономией и низкими процентными ставками, к которым она якобы приводит. Тем не менее достоинства этой позиции вызывают все больше вопросов, так как драконовские программы жесткой экономии, которые Берлин заставил реализовывать Грецию, Испанию и Италию в обмен на помощь, обернулись, через недостаток средств, к которому они привели, фактическим усугублением долгового кризиса в этих странах и дальнейшим ростом процентных ставок по их долгам. Хотя справедливо, что, если кто-то находится в меньшинстве, это не обязательно означает, что он не прав, также весьма примечательно, что в результате своей безоговорочной приверженности жесткой экономии в настоящее время Германия находится в изоляции не только в Европе, но и в рамках «Группы двадцати». Действительно, крупные страны «двадцатки» с развивающейся экономикой, напуганные негативными последствиями экономии для спроса на их экспорт, единогласно приняли сторону Соединенных Штатов и стран Южной Европы, призывая Германию одобрить рефляционную стратегию, ориентированную на рост, для регулирования европейского кризиса суверенного долга. См. образец англосаксонской критики немецкой позиции жесткой экономии [19, 25]. См. образец отстаивания немецкой позиции жесткой экономии [36, р. 23–30].

²⁰ Этот решительный политический рецепт опирается на модель «ордолиберализма», которая легла в основу немецкой политической экономии после окончания Второй мировой войны. Объединяя цели финансовой ответственности, денежного консерватизма и минимального вмешательства в функционирование рынков в конституционно закрепленный набор правил, именно эти предписания обеспечили, в сочетании с христианско-демократическими институтами общественного благосостояния, впечатляющий послевоенный бум в экономике Германии. Они продолжают восхваляться их сторонниками как источник сохраняющейся экономической конкурентоспособности страны. Об основах доктрины ордолиберализма и его влиянии на Европейский валютный союз см. в [10, р. 66–69].

литической, так и экономической интеграции в рамках ЕС. Это будет означать уступку государствами-членами большей части своего государственного суверенитета и передачу ЕС полного контроля над разработкой экономической политики. С этой точки зрения, только при условии создания налогового союза, который будет регулироваться принципами фискального и монетарного консерватизма как дополнения к валютному союзу, Германия будет готова заключить соглашение по разделению бремени суверенных долгов государств еврозоны и / или покупать облигации проблемных стран через ЕЦБ²¹. С другой стороны, ряд государств во главе с Францией (в том числе и Великобритания, не являющаяся членом еврозоны) придерживается конфедеративного взгляда на Европу, в рамках которого страны – члены ЕС сохраняют суверенный контроль над своей политической и экономической политикой. Следуя голлистской концепции «Европы отечеств», эта группа стран с гораздо меньшим энтузиазмом относится к «объединению» своих суверенитетов. Следовательно, Франция отказывается от заключения в смиренную рубашку налогового союза, к которому призывает Германия в обмен на поддержку устойчивости суверенных долгов членов еврозоны. И, таким образом, ведущие европейские государства становятся еще менее способны к принятию амбициозных решений, необходимых для преодоления проблемы долгового кризиса²².

Поэтому очевидно, что неспособность «Группы двадцати» договориться о конкретных действиях по решению проблемы европейского долгового кризиса в Лос-Кабосе, не говоря уже о неспособности ЕС сделать это на европейских саммитах, отражает глубокие разногласия по поводу политических последствий, которые будет иметь для Европы всеобъемлющее экономическое решение проблемы кризиса. Так как нет никаких признаков того, что эти разногласия будут урегулированы в ближайшее время, Европа, вероятно, сохранит нынешнюю стратегию «латания дыр», основанную на временных решениях и профилактических мерах, тем самым сохраняя риски для евро и, как следствие, для мировой экономики.

Кризис глобального и европейского лидерства

Все без исключения причины проблем коллективного действия, в общих чертах описанные выше, сложны. В самом широком смысле они отражают центростремительный эффект нескольких противодействующих внутренних и международных сил, которые свели на нет эффективность «Группы двадцати» в качестве органа глобального управления²³. Влияние антагонистических экономических интересов, политических ограничений и экономических идеологий выразилось в различии позиций, которых придерживались участники саммита. Это в значительной степени препятствовало достижению

²¹ Истинная приверженность Германии такому «усилению» федерализма, по крайней мере при нынешнем правительстве, подвергается сомнению. Как отметил один из наблюдателей, несмотря на согласие по вопросу создания банковского надзорного органа еврозоны в качестве первого шага к созданию общеевропейской системы банковского страхования, А. Меркель заявила, что еврооблигации не будут существовать («пока я жива»), подчеркнув тем самым пределы обязательства по расширению компетенции и ответственности ЕС [26].

²² О групповых разногласиях относительно природы европейского проекта и мощи государств-членов, а также об их отражении в период текущего кризиса см. в [15]; исторический анализ различных концепций развития Европы см. в [7].

²³ В этом смысле саммит в Лос-Кабосе стал проявлением динамики, предложенной Р. Патнэмом для описания международных экономических переговоров как двухуровневой игры, результаты которой зависят от возможности согласовать часто противоречивые интересы государств на международной арене (национальные интересы), с одной стороны, и внутренние интересы, оказывающие ограничительное действие на государства, с другой. См. [32, р. 427–460].

консенсуса по наиболее эффективному решению проблемы текущего кризиса и договоренности о механизмах долгосрочного экономического управления. Неспособность достичь консенсуса усугубилась тяжестью кризиса, который неприемлемо увеличил для отдельных государств издержки уступок, необходимых для согласования таких коллективных механизмов управления, вследствие противоборства мощных экономических и политических групп внутри этих стран²⁴.

Укоренившиеся разногласия между государствами — явление едва ли новое. Государства всегда были экономически, политически и идеологически разнообразны, если не противоположны. С учетом этой очевидной истины возникает вопрос, почему усилия по глобальному управлению в одних случаях оказывались более успешными, как, например, Европейский концерт XIX в. или, скажем, Бреттон-Вудская система в XX в., чем в других? Некоторые утверждают, что в век глобализации и на фоне роста стран с развивающейся экономикой огромное количество и разнообразие государств, входящих в состав глобальной системы, сделали ее фактически неуправляемой. Тем не менее тенденция к расширению была очевидна и в прошлом, когда глобальная система эволюционировала из объединяющей европейские великие державы и последовательно включала растущие державы — США, Россию, Японию, а теперь и Китай, — с их очень разной экономической и политической историей, институциональными и культурными особенностями.

Существующие проблемы глобального управления можно объяснить рассредоточением власти в рамках глобальной системы. После непродолжительного периода доминирования США сразу после окончания «холодной войны» мы оказались в исторической конъюнктуре, в которой ни одно государство или группа государств не являются достаточно мощными или не готовы взять на себя роль и, следовательно, издержки глобального экономического лидера. Аналогичная дилемма очевидна и в рамках европейского мира.

Прежде чем продолжить анализ, необходимо уточнить понятие лидерства, в частности, в экономическом смысле. Имеется в виду, что экономически и политически доминирующее в международной системе государство (или группа государств) обеспечивает общественные блага, необходимые для упорядоченного функционирования и сохранения стабильности глобальной экономики²⁵. Это государство-гегемон санкционирует деятельность институтов, которые отвечают за контроль над жизненно важными функциями международной экономики (поддержание открытости торговой системы,

²⁴ В этой связи противоречия между соответствующими группами избирателей в странах периферии и ядра еврозоны представляются важнейшей внутренней переменной, объясняющей недостаток коллективных действий для решения проблемы европейского кризиса суверенного долга и устранения угрозы глобальной депрессии. В то время как избиратели в Греции, Испании и Италии выражают недовольство драконовскими программами жесткой экономии, навязанными МВФ, Европейской комиссией и ЕЦБ в качестве условия для сохранения в зоне евро (об этом свидетельствуют выборы в Греции в июне 2012 г.: все больше избирателей протестуют против экономических и социальных издержек этих мер), немецкие избиратели в подавляющем большинстве высказываются против «спасения» расточительных стран Юга, привычки безответственного расходования средств, которую они считают основной причиной кризиса. Таким образом, даже если бы демократические правительства стран периферии и ядра еврозоны были склонны к поиску компромисса для выхода из кризиса, в настоящее время они слишком ограничены своими избирателями, чтобы иметь возможность для сближения позиций, что, в свою очередь, гарантирует продолжение кризиса.

²⁵ По мнению Ч. Киндлбергера, пять определенных типов общественных благ должны быть предоставлены гегемоном для достижения этих целей: рынок «товаров бедствия», контрциклические потоки капитала, стабильные обменные курсы, обеспечение кредитора последней инстанции и координация макроэкономической политики [21, p. 242–254].

сохранение целостности валютной системы, обеспечение функционирования мировых финансовых рынков), и обеспечивает использование инструментов принуждения, необходимых для их поддержания. Очевидно, что предоставление таких общественных благ является наиболее важным в период экономического кризиса.

Отсюда следует, что именно в период лидерства гегемона глобальная экономика функционирует наилучшим образом. Это подтверждается тем фактом, что два исторических периода самого быстрого роста мировой экономики – европейский концерт, достигший апогея в период с 1850-х до 1870-х годов, и Бреттон-Вудская система, существовавшая с 1944 г. по 1973 г., совпали соответственно с пиками британской и американской мощи [24, р. 317–347]. Наоборот, в условиях отсутствия гегемона и рассеянной структуры власти в международной системе, когда ни одно государство не способно или не желает обеспечивать функционирование мировой экономики, последняя более склонна к дисфункции и с высокой вероятностью оказывается в рецессии или, как в 1930-х и 1970-х годах, даже к депрессии. Во время Великой депрессии Великобритании не хватало мощи для возвращения роли гегемона, которую она исполняла до Первой мировой войны, в то время как США не захотели взять на себя ношу глобального экономического лидерства. Результатом стал глобальный финансовый кризис, отмена золотого стандарта и последовавшие за этим направленные на разорение соседей повышения тарифов и конкурентная девальвация валют, что резко снизило мировой спрос и погрузило международную экономику в глубочайшую за всю мировую историю депрессию [20]. Аналогично в 1970-е годы США решили, что издержки предоставления общественных благ и поддержки деятельности институтов, обеспечивающих функционирование глобальной экономики, стали больше получаемых выгод [21, р. 242–254], что привело к краху Бреттон-Вудской системы, обеспечившей послевоенный бум в глобальной экономике, и вылилось в десятилетие стагфляции, за которой с 1980-х годов последовали тенденции роста волатильности обменных курсов, экстремальные циклы экономических бумов и спадов и все более частые и серьезные финансовые кризисы.

Эти примеры имеют непосредственное отношение к цели данной статьи, поскольку предоставляют готовые шаблоны для исторического понимания текущей экономической ситуации, как на глобальном уровне, так и в Европе. На уровне мировой экономики сегодняшняя ситуация сильно напоминает 1930-е годы, когда бывший гегемон больше не имел достаточной мощи для возобновления своей роли по поддержанию порядка и не было страны, готовой заменить его и взять на себя обязанности экономического лидерства. Как и Великобритания в 1930-е годы, США сегодня оказались в относительном упадке. В экономическом плане они страдают от двойного бюджетного и торгового дефицита, что означает зависимость от прихотей кредиторов и все более растущую неспособность взять на себя издержки своих глобальных амбиций. В политическом плане США внутренне ослаблены партийным тупиком на фоне ослабления их мягкой силы на международной арене до такой степени, что они уже не в состоянии обеспечить свои интересы дипломатическими средствами²⁶. В то же время Китай, следующий вероятный мировой гегемон, еще не показал себя готовым к тому, чтобы взять в свои руки бразды мирового лидерства. Вместо этого он все в большей степени обращается к внутренней ситуации, следуя всеобъемлющему императиву внутреннего экономического развития и одновременно пытаясь решить проблемы негативного политического, демографического и экологического воздействия быстрого роста. Из-за роста числа внутренних «инцидентов», усиливающихся призывов к политической либерализации и растущего экологического вреда Китай, вероятно, будет и впредь слиш-

²⁶ О других аспектах снижающейся мощи США см. в [6].

ком поглощен внутренними проблемами своего развития, чтобы взять на себя роль мирового лидера в обозримом будущем [27, р. 153–158].

Основная причина провала глобального управления, о котором свидетельствует ситуация с «Группой двадцати», метко подмечена Киндлбергером в описании аналогичного сбоя в глобальном управлении, произошедшего более трех десятилетий назад: «...экономическая проблема мира сегодня состоит в том, что США отказались (или были отстранены) от роли лидера мировой экономики, а кандидат, желающий или приемлемый для того, чтобы занять их место, отсутствует» [21, р. 242–254].

Аналогичная нехватка лидерства проявляется также на уровне европейской экономики, где крах евро практически наверняка погрузит глобальную экономику в депрессию. В частности, нежелание Германии взять на себя обязанности европейского экономического лидера на фоне роста ее экономического и политического доминирования над другими странами ЕС проявляется в отказе гарантировать стабильность евро, согласившись на разделение бремени суверенного долга, и нежелании позволить ЕЦБ оказать поддержку проблемным банкам еврозоны. Это упорное нежелание брать на себя издержки лидерства напоминает ситуацию ослабления США как в 1930-е, так и в 1970-е годы. С точки зрения экономической роли и положения Германия очень похожа на США в начале 1970-х годов: страну с профицитом, отказавшуюся корректировать хронические экономические дисбалансы, возникшие в результате недооцененности доллара, и вместо переоценки своей валюты для исправления этих дисбалансов возложившую бремя их корректировки на дефицитные государства Бреттон-Вудской системы. Как утверждают М. Блис и М. Маттейс, Германия сегодня играет такую же контрпродуктивную роль в еврозоне: «... [она] имеет профицит, полностью перекладывает бремя корректировки на страны еврозоны с дефицитом, а затем обвиняет их в долгах» [3]. Так же, как отказ США взять на себя издержки поддержания деятельности Бреттон-Вудской системы ускорил ее крах, нежелание Германии взять на себя ответственность за поддержание стабильности евро ставит под угрозу Европейской валютный союз.

Политически современная Германия ближе к США в 1930-е годы. Как и США, она еще не свыклась с идеей принятия на себя роли лидера, которая соответствует масштабам ее экономического доминирования. Вместо этого, как и США в межвоенный период, Германия стремится удовлетворить внутренние экономические и политические силы и защищать собственные узкие идеологические императивы. Таким образом, как отказ США простить военные долги европейских стран в 1920-е годы вынудил Англию и Францию взыскивать репарации с Германии и, тем самым, способствовал возникновению немецкого реваншизма и раздуванию пузыря на рынке активов, завершившегося в октябре 1929 г. финансовым кризисом, так и неспособность Германии обеспечить стабильность евро на фоне введения драконовской политики жесткой экономии в периферийных странах еврозоны без учета социальных и политических издержек вполне может поставить мировую экономику на грань аналогичного катаклизма. Это говорит не только о серьезном провале лидерства, но и иллюстрирует странную неспособность учиться на уроках истории.

Заключение

Отсутствие передовой силы, готовой взять на себя ответственность за лидерство как на глобальном, так и на европейском уровне, можно рассматривать как основную причину растущей неэффективности «Группы двадцати», совсем недавно проявившейся в Лос-Кабосе. В отсутствие такого государства, способного обеспечить (и оплатить) средства

принуждения, которые являются синонимами глобального управления, отдельные государства с высокой вероятностью будут преследовать свои узкие национальные интересы или колебаться между такими интересами, а не действовать в соответствии с коллективными глобальными целями.

Именно в этом смысле снижение роли США и сдержанность Китая в отношении принятия на себя ответственности на глобальном уровне, так же как и нежелание Германии возложить на себя бремя лидерства в Европе, имеют угрожающие перспективы в будущем. В самом деле, если одно (или несколько) из этих государств не сделает шаг вперед и не возьмет на себя обязанности и издержки лидерства, шансы «Группы двадцати» реализовать свою цель по обеспечению эффективного глобального управления остаются низкими.

Литература

1. Badie V. *La diplomatie de connivence: Les dérives oligarchiques du système international*. Paris: La Découverte, 2011.
2. Barker A. et al. *Fresh Clashes Brew over Tobin Tax* // *Financial Times*. 05.01.2012. URL: <http://www.lexisnexis.com/hottopics/Inacademic/> (date of access: 16.07.2013).
3. Blyth M., Matthijs M. *The World Waits for Germany* // *Foreign Affairs*. 08.06.2012. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137697/mark-blyth-and-matthias-matthijs/the-world-waits-for-germany> (date of access: 16.07.2013).
4. Bremmer I. *State Capitalism Comes of Age* // *Foreign Affairs*. 2009. Vol. 88. No. 3.
5. Calderon F. *The G20: Maintaining the Spirit of Cooperation* // *Newsdesk publications*. 2012. URL: <http://www.g8.utoronto.ca/newsdesk/cannes/g20cannes-calderon-en.html> (date of access: 16.03.2013).
6. Calleo D. *Follies of Power: America's Unipolar Fantasy*. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.
7. Calleo D. *Rethinking Europe's Future*. Princeton: Princeton University Press, 2001.
8. Carin B. *G20 Rapid Response: The G20 and Climate Change* // *CIGI*. 20.06.2012.
9. *Concluye reunión informal de Ministros de Relaciones Exteriores* // *Mexican Presidency of the G20*. 20.02.2012.
10. Devoluy M. *L'euro est-il un échec?* Paris: La documentation française, 2011.
11. *Documento de discusión-presidencia mexicana del G20* // *Mexican Foreign Ministry*. 2012. URL: <http://g20mexico.org/images/pdfs/discesp.pdf> (date of access: 16.07.2013).
12. Fontanella-Khan J. *BRICS Nations Threaten IMF Funding* // *Financial Times*. 29.03.2012. URL: <http://www.lexisnexis.com/hottopics/Inacademic> (date of access: 16.07.2013).
13. *G20 Leaders Declaration* // *Mexican Presidency of the G20*. URL: http://www.presidencia.gob.mx/documentos/g20/G20_Leaders_Declaration_2012.pdf (date of access: 16.07.2013).
14. *G20 Summit: Barroso's Bungling Blame Game* // *Guardian*. 20.06.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/blog/2012/jun/19/g20-summit-barroso-blame-game> (date of access: 16.07.2013).
15. Granieri R. *Who Killed Europe? A Provocation* // *Foreign Policy Research Institute*. 16.04.2012. URL: <http://www.fpri.org/enotes/2012/201205.granieri.who-killed-europe.html> (date of access: 16.07.2013).
16. Haley J. *Los Cabos Summit: Incremental Steps on the Road to Globalizing the Regulation of Capital* // *CIGI*. 20.06.2012. URL: <http://www.cigionline.org/blogs/new-age-of-uncertainty/los-cabos-summit-incremental-steps-road-globalizing-regulation-of-capital> (date of access: 16.07.2013).

17. Harding R. Financial System: Change for the Better will Come – but not yet // *Financial Times*. 20.06.2012. URL: <http://www.lexisnexis.com/hottopics/Inacademic> (date of access: 16.07.2013).
18. Harding R. IMF Expects \$400bn Boost in Firepower // *Financial Times*. 19.04.2012. URL: <http://www.lexisnexis.com/hottopics/Inacademic/> (date of access: 16.07.2013).
19. Joffe J. Mrs. Merkel's Germany is Europe's one Musketeer // *Guardian*. 21.06.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/jun/21/merke-germany-europe-teutonic> (date of access: 16.07.2013).
20. Kindleberger C. *The World in Depression*. Rev. ed. Berkeley: University of California Press, 1986.
21. Kindleberger C. Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides // *International Studies Quarterly*. 1981. Vol. 25. No. 2.
22. Kirton J.J. Prospects for the G20 Los Cabos Summit // *G20: The Mexico Summit* / J. Kirton (ed.). L.: Newsdesk Communications Ltd., 2012.
23. Kirton J.J. La gobernanza del G20 para el nuevo mundo // *Foreign Affairs. Latinoamerica*. 2012. Vol. 12. No. 2.
24. Krasner S. State Power and the Structure of International Trade // *World Politics*. 1976. Vol. 28. No. 3.
25. Krugman P. Europe's Great Illusion // *New York Times*. 01.06.2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/07/02/opinion/krugman-europes-great-illusion.html?_r=1&emc=eta1 (date of access: 16.07.2013).
26. Munchau W. The Real Victor in Brussels was Merkel // *Financial Times*. 01.07.2012. URL: <http://www.lexisnexis.com/hottopics/Inacademic/> (date of access: 16.07.2013).
27. Nathan A. What China Wants // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90. No. 4.
28. Oman W. Europe's Perfect Storm: When Possibility Meets Actuality // *Global Policy Journal*. 14.11.2012. URL: <http://www.globalpolicyjournal.com/blog/14/11/2011/europe%E2%80%99s-perfect-storm-when-possibility-meets-actuality> (date of access: 16.07.2013).
29. Perret Erhard E., Alvarez Carreno D. El B-20 y su participación en la Cumbre del G20 // *Foreign Affairs Latinoamerica*. 2012. Vol. 12. No. 2.
30. Pisani-Ferry J. G20: Diminishing Returns // Bruegel. 2012. URL: <http://www.bruegel.org/nc/blog/detail/article/777-g20-decreasing-returns/> (date of access: 16.07.2013).
31. Postel-Vinay K. *Le G20, laboratoire d'un monde émergent*. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 2011.
32. Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-level Games // *International Organization*. 1988. Vol. 43. No. 3.
33. Roubini N. Global Economy: Reasons to be Fearful // *Guardian*. 19.06.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/business/2012/jun/18/global-economy-perfect-storm> (date of access: 16.07.2013).
34. Schmidt V. *The Futures of European Capitalism*. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
35. Smith G. G20 Rapid Response: Progress Slow, but Los Cabos Keeps Innovation in Global Governance Moving Forward // CIGI. 2012. URL: <http://www.cigionline.org/publications/2012/6/g20-rapid-response-progress-slow-los-cabos-keeps-innovation-global-governance-mo> (date of access: 16.07.2013).
36. Tooze A. Germany's Unsustainable Growth // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. No. 5.